

4 ЯНВ 1959

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

Москва

ИНТЕРВЬЮ У ДИРИЖЕРСКОГО ПУЛЬТА

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ МУЗЫКА

ОРКЕСТР словно взбунтовался. «Наскакивая» друг на друга, инструменты создавали тот самый музыкальный беспорядок, в котором каждый был солистом, каждый на свой лад.

Настройка инструментов — своего рода приглашение к музыке. Ее остановит лишь появление дирижера, и только он даст этому «беспорядку» верное направление. А пока Евгений Федорович Светланов, художественный руководитель Государственного симфонического оркестра Союза ССР, не мешает артистам. Мы сидим с ним в последних рядах Большого зала консерватории. Он рассказывает о своем нелегком дирижерском труде.

— Когда я чувствую, что понимаю оркестрантов, а они, в свою очередь, понимают меня, всегда прекрасно работается. Легко, с подъемом, «крылато» — я бы сказал. Не люблю, когда музыкант ощущает дирижерскую «узду». От этого страдает прежде всего музыкальное произведение, исполнитель, а главное — слушатель...

Почти четыре года народный артист СССР Е. Светланов руководит Государственным симфоническим оркестром, до этого он был главным дирижером Большого театра. За плечами — сотни выступлений в опере и концертах, десятки гастрольных поездок по стране и за рубежом, многолетнее, тесное сотрудничество с рядом видных деятелей советской музыки...

— Какие компоненты включает ваша профессия?

— Современный дирижер — это универсал. Человек с высокой музыкальной культурой, абсолютным слухом и памятью. Он должен обладать твердой волей и способностью четко донести свой замысел до музыкантов. Он должен знать все инструменты и природу вокального искусства.

Кроме того, дирижер — воспитатель, организатор, руководитель. И, конечно, человек железного здоровья... Но это, так сказать, атрибуты, которых слушатель может и не знать.

Подлинный дирижер для меня тот, который прокладывает мосты доверия между оркестром и публикой. Человек, рождающий импульсы...

— Ваш любимый композитор?

— Рахманинов. Всегда поражаюсь его многогранности. Впервые я исполнил его Вторую симфонию на защите диплома в консерватории, лет двадцать назад. В нынешнем году я вновь вернулся к этому произведению, но уже в другом качестве. Сравнение со старой записью (после первого исполнения сохранилась пластинка) дало мне очень многое. Я понял, что при основных незыблемых чертах в моей новой трактовке время сдвинуло какие-то музыкальные акценты. Видимо, сказались жизненный опыт, зрелость... Уверен, что если спустя годы я вновь вернусь ко Второй симфонии, она откроет передо мной новые, неведомые грани. Рахманинов неисчерпаем...

— Какие задачи стоят перед коллективом сейчас?

— Наш основной тезис — пропаганда русской классической и советской музыки — неизменен. За последние годы значительно обогатился репертуар, укрепилась связь с советскими композиторами, которые держат нас в курсе всех своих планов.

Не может не радовать нас и крепнущая дружба с широкими кругами слушателей. В частности, оркестр заключил договор на творческое содружество с коллективом локомотивного депо Москва — Сортировочная. Это соглашение, как мы надеемся, принесет и пользу, и радость обеим сторонам.

— Какими произведениями вы собираетесь отметить 100-летие со дня рождения В. И. Ленина?

— Разумеется, это будут произведения советской музыкальной классики, все то лучшее, что было написано за пятьдесят лет Советской власти. Я имею в виду сочинения Мясковского, Глиэра, Шапорина, Шебакина и многих других. Мне как дирижеру особенно близок Мясковский, преломивший в своем творчестве традиции русской музыки под влиянием веяний эпохи Великого Октября. Его симфонизм — своеобразная музыкальная летопись Советского государства.

Произведения, посвященные великому юбилею, пишет для нас ряд ныне здравствующих советских композиторов.

— А ваши планы как композитора?

— Задумал большое музыкальное произведение, посвященное Ильичу. Есть мысли, есть горячее желание быстрее засесть за работу. Но что из этого получится — кантата или поэма, говорить пока еще рано. Поживем — услышим...

...Время, отведенное на интервью, истекло. Об этом требовательно напоминал оркестр — он гудел, как встревоженный улей. Евгений Федорович поднялся на подиум. Короткий, выразительный взмах («Приготовились!») — и воцарилась тишина. Это — сигнал, чтобы каждый оркестрант почувствовал себя членом единой музыкальной семьи и доверился воле дирижера, который отныне будет руководить каждым и всеми вместе одновременно. Сейчас он разбудит самое сокровенное, самое лучшее, что живет в душе музыканта, и в результате возникнет то счастливое согласие, которое мы называем Искусством...

О. ЛАРИН.